

Газета для тех, кто любит Крым

№ 19 (489)

16 мая
2025 года

МЕРАБА

Индекс издания: 64565

ЗДРАВСТВУЙТЕ!

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

Газета для тех, кто любит Крым

МЕРАБА

Во всех почтовых отделениях
Республики Крым
и г. Севастополя

Подписные
индексы:

Стоимость подписки с учётом услуг почты:
на 3 месяца - 285 руб. 36 коп.
на 6 месяцев - 570 руб. 72 коп.
на 12 месяцев - 1079 руб. 04 коп.

— 64565

— 64566

ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

...2

В КРЫМУ ВЫБРАЛИ ЛУЧШУЮ СКАЗКУ!

...3

18 МАЙЫС – МАТЕМ КУНЮ

...5

ЧЕЛОВЕК С НЕОБЫЧАЙНОЙ СИЛОЙ ДУХА

ХАТИДЖЕ КУРТАСАНОВА:

«Мой отец был партизаном, а мать, рискуя собственной жизнью и жизнью своих шестерых детей, готовила еду для партизан. Какие они предатели? А мы? Мы же были совсем детьми! За что понесли такое страшное наказание? Мои братишки и сестрёнки умерли с голоду на моих глазах. Их истощённые, безжизненные маленькие тела останутся в моей памяти навсегда»

...4

СЕРЕБРЯНАЯ МЕДАЛЬ ДОСТОЙНОМУ

Скульптор Айдер Алиев получил серебряную медаль «Достоинному» Российской академии художеств – одну из высших наград за памятник дважды Герою Советского Союза, лётчику Амет-Хану Султану, который установлен в центре Симферополя.

Торжественное вручение награды состоялось в Москве на церемонии закрытия VI Форосского академического пленэра «Весна-2025».

В рамках мероприятия, организованного при поддержке Южного отделения Российской академии художеств, было создано около 100 произведений искусства.

В своём комментарии Айдер Алиев отметил, что ему было очень приятно одержать столь высокую награду.

«Для меня награждение серебряной ме-

далью было неожиданностью, но, когда коллеги поддерживают и голосуют за твоё творчество, за памятник, который ты создал, это придаёт особый смысл и стимулирует к дальнейшим проектам», – подчеркнул скульптор.

Напомним, что серебряная медаль «Достоинному» – одна из главных наград академии художеств, которую вручают талантливым людям за выдающиеся достижения в области изобразительного искусства.

ЧИТАЙТЕ НАС В КОНТАКТЕ

ЧЕЛОВЕК С НЕОБЫЧАЙНОЙ СИЛОЙ ДУХА

Мама спала на соломе, а мы лежали на ней, крепко-крепко держа её за руки. Укрываться было нечем, мамин тепло согревало нас. Но однажды она умерла. Это произошло глубокой ночью, и мы, не догадываясь об этом, продолжали обнимать её...» Эти воспоминания – самые горькие в жизни Хатидже ханым Куртасановой. Её мать умерла в Узбекистане в первый год ссылки, а до этого больше полугода искала своих шестерых детей. Так случилось, что 18 мая 1944 года дети были дома одни, и их депортировали без отца и матери...

Хатидже ханым – человек с необычайной силой духа. Нелёгкое детство и юность закалили её, сделали выносливой, научили быть трудолюбивой и достигать своих целей. Сейчас ей 93 года. Вместе со своей старшей дочкой Диларой она живёт в Симферополе. Несмотря на прошедшие годы, воспоминания о депортации остаются для Хатидже бита живыми и болезненными. Это страшное событие оставило глубокий след в её сердце, став частью личной и семейной истории.

– Я родилась в 1932 году в деревне Баши (ныне Головановка) Карасубазарского района. Моего отца звали Куртасан, а маму Раиме, – рассказывает Хатидже ханым. – Всего нас у родителей было шестеро детей. Я – старший ребёнок в семье. До того, как началась война, я училась в шестом классе, потом школу закрыли.

В годы оккупации бабам ушёл в партизаны вместе со своим другом Исаком Долгополовым, который был коммунистом и командиром партизанского отряда. Его супруга – Шура была на девятом месяце беременности. Немцы её искали, так как хотели схватить Исаака. Чтобы помочь своему другу, бабам предложил, чтобы Шура пожила у нас дома, выдавая себя за супругу бабам. Он даже нам сказал называть Шуру мамой, чтобы немцы ничего не заподозрили.

Так как наличие двух жён в одном доме вызвало бы подозрение у немцев, а нам вынуждена была жить у родственников и прятаться в подвалах, спасаясь от утона в Германию. По ночам она пекла хлеб и готовила еду для партизан.

Долгополов был безмерно благодарен моему отцу за то, что тот помог ему уберечь семью. Он даже как-то сказал: «Куртасан, если я когда-нибудь забуду, что ты для меня сделал, значит я забуду Бога!».

■ В мае 1944 года сколько Вам было лет? Помните, как проходила депортация крымских татар?

Конечно, помню. Мне тогда было 12 лет, Эбсууту – 9, Фатиме – 7, Наджие – 5, Зейнеб – 3 и самому маленькому братику Юнусу – годик. Нашего отца забрали в трудовую. Накануне депортации мама отправилась в комиссариат, выяснить, почему её мужа не отпускают домой. Так как транспорта не было, ей нужно было идти пешком девять километров, и она отправилась туда ранним утром, чтобы к утру быть на месте.

менники Родины!» – в буквальном смысле, выполняли нас из дома. Тогда мы очень испугались, не знали, что нам делать и чего ожидать. Братишки с сестрёнками плакали. Эбсуут захотел попить молока, потянулся за ним, а солдат с размаху выбил кружку из его рук. Мы были в полной растерянности, нам даже не дали возможности переодеться, прямо в пижамах выгнали на улицу и загрузили в грузовую машину.

На наше счастье, алашка жила в соседнем доме. Зная о том, что мы одни дома, прибежала к нам, взяла на руки годовалого Юнуса и была вместе с нами.

■ Получается, что Вас депортировали без родителей?

Да, к пяти утра анам успела пройти только половину пути. Она увидела, как грузят людей в машины, поинтересовалась, что происходит, и получила ответ, что её народ выселяют. Она была в полной растерянности, хотела бежать домой, к детям, но ей не разрешили. Анам плакала, умоляла солдат дать ей возможность встретиться с детьми, говорила, что мы остались дома одни, но её даже слушать никто не стал.

В битком загруженных машинах было трудно дышать. Нас привезли на Симферопольский вокзал, потом загрузили в товар-

ные вагоны, в которых воняло навозом, потому что они были предназначены для перевозки скота. Через крошечные окошки еле-еле поступал воздух. В этих

Сестрёнка Наджие со своей семьёй

да. Годовалому Юнусу есть было нечего, и он первым из нашей семьи умер от голода. Алашка не знала, что делать, корила себя, что не смогла уберечь ребёнка.

быть, что делать. Так как мне было 12 лет, на работу меня не брали. Я ходила на мельницу и собирала с земли упавшие колоски, и из них в консервной банке варила «суп». Но братишка всё равно не наедался. Однажды он так хотел есть, что наелся волчьих ягод, после чего у него изо рта пошла зелёная пена и он умер от отравления.

После него от голода умерла Фатиме. И когда через семь месяцев анам нас нашла, нас осталось трое. Мы были исхудавшие, вшивые, грязные, в лохмотьях, так как сменной одежды у нас не было. У неё был шок, она даже как будто бы тронулась умом. Обняла нас, и в эту же минуту у неё на руках от голода умирает трёхлетняя Зейнеб. Анам сильно плакала, ей было очень плохо.

Алашка, передав нас анашке, вскоре умерла, будто бы выполнив свою миссию, но до последнего коря себя, что не смогла сохранить жизни умерших детей.

■ А где эти семь месяцев была Вапа анашка? Она Вам рассказывала?

Анам попала в город Наманган и каждый день со слезами на глазах просила коменданта помочь ей найти её детей. Всё это время она мучилась от неизвестности. И когда ей сообщили, где мы находимся, анам на радостях отдала коменданту свои золотые сережки.

Продолжение на стр. 6

Хатидже ханым (справа) с сестрёнкой Наджие

Таким образом, 18 мая в пять утра, когда проходила депортация крымских татар, мы, дети, дома были одни. К нам ворвались солдаты и с криками: «Вы из-

ЧЕЛОВЕК С НЕОБЫЧАЙНОЙ СИЛОЙ ДУХА

Начало на стр. 4

Чтобы как-то жить дальше, мы с анашкой ходили собирать хворост, и за это нам давали тарелку супа и кусок хлеба. Мы эту еду делили на троих и как-то выживали.

Со временем из хлопкового пункта нас переместили в коровник, а там было сено. Ночами вместе с мамой мы лежали на соломе, крепко обнимая её, так как у нас не было ни подушки (её заменяли мамины руки), ни одеяла. Мамино тепло согревало нас. Но однажды утром мы проснулись и увидели запёкшуюся кровь у её носа. И она была холодная такая, бледная, не дышала. Оказалось, что мы пролежали с мёртвой мамой всю ночь в обнимку. Не зная, что нам делать, выбежали на улицу, стали плакать, звать на помощь. Подъехала тележка,

которая каждое утро собирала тела умерших, погрузили в неё маму и увезли в неизвестном направлении. Мы не знаем, что с ней сделали. Ходили слухи, что все трупы кидали в одну общую яму.

Так мы с сестрёнкой остались вдвоём. Подоплёк к нам какой-то мужчина и сказал: «Вы тоже умрёте! Если хотите остаться в живых, идите в детский дом».

Детский дом находился в 18-ти километрах от нас. Моя сестрёнка от голода очень ослабла, не могла ходить. И я её босиком на спине тащила в детдом. Не зная, как я осилила дорогу и смогла дойти до него.

В детский дом нас приняли не сразу, пришлось пройти определённые процедуры и предоставить кучу бумаг. В конечном итоге, нас побирили, искупали, дали еды. За счёт этого мы остались живы.

В детдоме тоже всякие моменты случались. В первый раз, когда нам дали еду, мы только хотели к ней прикоснуться, тут же выключили свет. А когда свет включили, еды уже не было. Таким образом дети воровали её друг у друга, чаще всего этим промышляли мальчишки, так как не наедались.

Помню, с нами в детдоме был один мальчик. Так вот, когда я начинала есть, он подходил ко мне и специально плевал на мою еду, чтобы я её уже не ела, и

она досталась ему.

Тогда я ему сказала: «Зачем ты это делаешь? Если хочешь есть, попроси, я тебе и так отдам!» И после этого я начала делиться с ним едой. Того мальчика звали Рустам Каримов, со временем он стал профессором и главврачом Ташкентской больницы. И когда однажды, спустя годы, мы встретилась с ним, он сказал мне, что я ему как сестра.

■ Будучи в детдоме, у Вас была возможность продолжить учёбу?

Да, меня зачислили в седьмой класс. Когда я уходила на учёбу, сестрёнка очень боялась меня потерять и остаться совсем одна, поэтому в школу хо-

Хатидже ханым с дочкой Диларой

дила вместе со мной. Во время уроков она сидела под моей партой и держала меня за ногу. Я старалась хорошо учиться, меня очень любила директор детдома, она была казанской татаркой. И когда она родила, приглашала меня к себе домой после занятий и доверяла мне нянчить своего ребёнка. Ещё я ей помогала по хозяйству, за это она давала мне еды и конфет, но я их сама не ела. Приносила в детдом, будила сестрёнку и делилась с ней. Я заботилась о ней всё время, а она держалась за меня, как за маму.

Школу я закончила с отличием, хотела поступить в институт, но крымским татарам было запрещено учиться в высших учебных заведениях, поэтому мне пришлось поступить в медицинское училище на фельдшера-акушерку. Его я также окончила с отличием.

■ Хатидже ханым, знаем, что в 1955 году Вы совершили героический поступок – спасли от кори 70 детей! Расскажите, пожалуйста, подробнее об этом.

Хатидже ханым с супругом

В то время была опасная эпидемия кори, дети умирали один за другим. И мне как студентке-отличнице дали задание в здании детского сада срочно организовать больницу на 70 коек. Врачей не было, и мне приходилось работать круглосуточно, при этом проводить не только все необходимые противоэпидемиологические мероприятия, но и вести листы назначения и самостоятельно ухаживать за каждым больным.

И я победила эпидемию на своём участке, не допустив ни одного смертельного случая, в то время как в городе, где работали врачи, они были не редкостью. Ко мне даже

приезжали журналисты из Индии, брали у меня интервью о моём трудовом опыте и спрашивали, о чём я мечтаю. Я тогда ответила, что очень бы хотела, чтобы моя сестрёнка поступила в медицинский институт и выучилась на врача (она как раз в это время заканчивала школу с отличием). И журналисты посодействовали этому. На пятом курсе мединститута Наджие вышла замуж за студента Гафиса Мамедова. Честно скажу, я была против этого брака, так как он был азербайджанцем, и я боялась, что он увезёт её к себе на Родину. Впрочем, так и случилось.

За то, что я спасла от кори 70 детей, мне хотели присвоить звание Героя труда, но не сделали этого из-за моей национальности. Зато наградили путёвкой на целый месяц в санаторий «Чартак», который в то время считался одним из самых лучших.

■ А как Вы познакомились со своим супругом – Идрисом Халиловичем Ибраимовым?

Мне от государства дали дом, вход в который был с двух сторон. На одной половине дома жила я, а на второй, так как я была акушеркой, соорудила родильное отделение на 15 коек. Идрис в это

время работал ветврачом в колхозе, и его председатель рассказал ему про меня, порекомендовав со мной познакомиться. Мой будущий супруг всегда мечтал, чтобы его жена была медиком. Он так и говорил: «Учительницу не хочу, хочу медичку!». Мы с ним познакомились, понравились друг другу и поженились. Между нами любви изначально не было, было уважение, и уже при жизни мы полюбили друг друга.

У нас родились три дочери: Дилара, АLINE и Лиля. Муж получил участок, построил большой дом. Жили мы в достатке, ни в чём не нуждались. Всё вроде бы как хорошо, но тоска по Крыму не покидала нас. И как только в 1989 году было принято постановление Верховного Совета СССР о реабилитации крымских татар, мы продали дом и вернулись на свою историческую родину, в своё род-

предатели? А мы? Мы же были совсем детьми! За что понесли такое страшное наказание? Мои братишки и сестрёнки умерли с голоду на моих глазах. Их истощённые, безжизненные маленькие тела останутся в моей памяти навсегда.

А сколько ещё ни в чём неповинных детей, стариков, женщин подверглись такому бесчеловечному испытанию в то время, как их отцы, деды, братья воевали на фронтах против немецко-фашистских войск?! Какое этому может быть оправдание?! Разве такое возможно забыть?!

Нет, нельзя. Не простить, не забыть. Все эти годы я училась жить с этой болью и мечтала только об одном, чтобы наш народ и другие народы, которые также были подвергнуты депортации, реабилитировали. Чтобы больше никто и никогда не смел нас оскорблять, унижать, называя предателями.

И я благодарна Всевышнему за то, что он дал мне возможность дожить до дня подписания нашим Президентом, Владимиром Владимировичем Путиным, Указа о реабилитации крымских татар и других народов, пострадавших от сталинских репрессий в Крыму. Рада, что отныне смогу умереть со спокойной душой, зная, что мой народ оправдали, что убрали с нас позорное чёрное пятно.

Хатидже ханым в кругу семьи

ное село Башы Белогорского района.

Не могу сказать, что нас здесь приняли с распростёртыми объятиями, скорее наоборот, – не принимали, не брали на работу, за глаза и в лицо называли предателями. Было очень обидно.

Мой отец был партизаном, мать, рискуя собственной жизнью и жизнями своих детей, готовила еду для партизан. Какие они

■ Хатидже ханым, что бы Вы хотели пожелать нашим читателям?

Чтобы они жили счастливо, проявляли терпение и благодарили Всевышнего за всё, что у них есть, пусть их жизнь будет наполнена счастьем, смехом и танцами. И, конечно же, желаю, чтобы они никогда не разлучались с Родиной!

Беседовала
Эльмас Сариева